

«Куделистые брови», «соломистые косицы»

Прилагательные с суффиксом *-ист-* в прозе Е.И. Носова

© М. А. БОБУНОВА,

доктор филологических наук

В статье говорится о месте прилагательных и наречий с суффиксом *-ист-* в художественной прозе курского писателя Е.И. Носова. Слова определенной модели анализируются с учетом употребительности, узуральности, тематического распределения и сочетаемости.

Ключевые слова: суффикс *-ист*, словообразовательная модель, индивидуально-авторские наименования, идиолект.

Хорошо известно, что «каждый писатель, пользуясь единым общерусским языком, подбирает языковые средства в соответствии с содержанием и замыслом художественного произведения, согласно своим лингвистическим взглядам и стилистическим вкусам» [1]. О своеобразии авторского идиолекта говорит состав используемой им лексики, частотность употребляемых слов, их синтагматические связи, синтаксический строй произведения и образная система художественного текста.

Е.И. Носов относится к числу писателей, отличающихся выразительным языком и самобытным стилем, на что неоднократно обращали внимание и критики, и коллеги по перу. Д.Г. Шеваров справедливо называл курского писателя одним «из последних хранителей незамутненного

русского слова» [2]. «И все страницы Носова сочатся полновзвучными русскими словами», – утверждал А.И. Солженицын [3], а В.П. Астафьев подчеркивал, что Носов «достойно продолжает дело своих знаменитых земляков, так же бережно, как они, пестует родное слово, высвечивает его и отдает нам ограненным, в строгой оправе» [4].

К излюбленным Е.И. Носовым [5] словообразовательным моделям относятся прилагательные с суффиксом *-ист-*. Большое число таких лексем (более 130 наименований, включая и сложные образования типа *бархатисто-гладкий, глыбисто-тяжелый, землисто-соломенный, льдисто-зеленый, огнисто-красный*) обусловлено тем, что морфема *-ист-* относится к разряду регулярных и очень продуктивных единиц, образующих имена прилагательные «с общим значением обладания чем-либо (нередко в большом количестве) или склонности к чему-либо, названному мотивирующим словом» [6].

Особенностью производных прилагательных данной модели является то, что в качестве мотивирующих выступают основы и прилагательных, и существительных, и глаголов. Наиболее разнообразен перечень слов, образованных от существительных. В «Русской грамматике» выделено два семантических подтипа таких лексем:

1) «Обладающий тем, что названо мотивирующим словом» (*басистый*), иногда с оттенком «содержащий в качестве составной части то, что названо этим словом» (*глинистый*) [7. С. 289]. К указанному значению нередко присоединяется дополнительная количественная оценка – «обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом» (*болотистый, холмистый*) или качественная положительная (*голосистый, плечистый*) оценка: «Наконец кончилась однообразная полевая дорога, и мы выехали на *холмистое* левобережье Сейма» [5. Т. 1. С. 140. Курсив здесь и далее наш. – М.Б.].

2) «Имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» (*бархатистый, еристый, пружинистый*) [7. С. 289]: «А потом, напившись горячего чаю, выроет в сухом песке ямку, настелет побольше тонких *пружинистых* лозин, свернется на них калачиком и крепко заснет до утренней зари» [5. Т. 1. С. 42].

В повестях и рассказах Носова немало слов обоих подтипов, значения которых могут совмещаться.

Вторую по численности группу составляют прилагательные, образованные от глаголов, с общим значением «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом», часто с оттенком «склонный к действию» [7. С. 295] (*поджаристый, развесистый, раскидистый*). «Кроме деревянного сарайки, осевшего на один угол, ничем не огороженное подворье обозначалось полоской отяжелевших подсолнухов, склоненно, будто под хмельком, шептавших что-то один другому в *развесистые* шершавые уши...» [Т. 4. С. 322].

Прилагательные, образованные от других прилагательных, имеют значение «содержащий то или (реже) сходный с тем, что названо в основе мотивирующего прилагательного» [7. С. 301]. В качестве производящего выступают относительные прилагательные с суффиксами *-ан- / -ян-* (*водянистый, травянистый*), *-н-* (*мучнистый*), *-ов-* (*шелковистый*): «Жесткие заросли череды сменяются то ковром *шелковистого* мятлика, то синими островками шалфея» [Т. 1. С. 77].

Хотя основную часть словника составляют общеупотребительные, стилистически нейтральные (*ветвистый, извилистый, пушистый*) и разговорные (*задиристый, лопушистый, норовистый*) лексемы, значителен процент выявленных нами просторечных и диалектных наименований, например: *заковыристый* – «Прост. Мудреный, замысловатый» [8. Т. 1. С. 529]; *запашистый* – «Прост. С сильным запахом» [Там же. Т. 1. С. 554]; *киселистый* – «Студенистый; похожий на кисель» [9. Т. II. С. 110]; *колдобистый* – «Ухабистый, с ямами и выбоинами (о дороге)» [10. Вып. 17. С. 133]; *куделистый* – «Имеющий вид кудели» [Там же. Вып. 15. С. 397]; *лопатистый* – «Прост. Похожий на лопату; лопатовидный» [11. Т. 6. С. 355]; *наплывистый* – «Полный (о частях тела)» [10. Вып. 20. С. 82]; *цыганистый* – «Прост. Имеющий нечто цыганское (в облике, в характере и т.п.)» [11. Т. 17. С. 723]; *канавистый* – «Обильный канавами; бороздчатый» [9. Т. II. С. 83]: «Ребятишкам, конечно, нравилось шагать рядом с Кольшей напрямки, по *канавистым* азимутам и переголам...» [Т. 3. С. 293]; «Навалюсь грудью на батожок, поддерживая себя так, дедушко Селиван остановился перед густо дымящим миром, обежав мужиков упрятыми под *куделистые* брови, но все еще живыми востренькими глазками» [Т. 4. С. 67].

Просторечные и областные слова органично вплетаются в словесную ткань рассказов и повестей Носова, главными героями которых оказываются, как правило, сельские жители. Сам писатель говорил: «С детства я вынес запас слов – из общения с русской деревней, с русским крестьянским людом. Где-то все это осело, запечатлелось, лежало нетронутым в кладовой памяти. И как только я начал писать – спустя многие годы – вспомнилось. Я сверял по Далю – все это у него есть. Так говорили мои дед и бабушка – говорили хорошим, образным русским языком. И вот того, что я так щедро зачерпнул в детстве, не подозревая даже об этом богатстве, – мне хватило и вполне хватает до сих пор, когда я пишу о деревне. Деревня – это иная среда, чем в городе, иной быт, работа, отсюда люди говорят по-другому. Все имеет какие-то свои особенки, свои специфические деревенские штрихи и тонкости, требует своего языка» [12. С. 162].

Особый интерес вызывают окказиональные слова (например, *муравистый, пришлепистый, рыжеватистый, трухлявистый, шагалистый, шюферистый*), созданные писателем на базе субстантивных, адектив-

ных и глагольных основ: «Под ее [липы] раскидистой сенью от века уцелела ровная, как столешница, *муравистая* палестинка, любимое наше местечко, собственно и называвшееся Полянкой, где мы всегда собирались, пинали тряпичный мячик, колотили городки или просто так баговали на прохладной травке» [Т. 2. С. 261]; «Тут же комарино запикала губная гармошка и даже всплеснула какая-то бодрая и *шагалистая* песня, которая, однако, тут же оборвалась и перешла в короткий удовлетворенный хохот» [Т. 4. С. 216–217]; «– Бип-бип! – сердито сигналил Митька и старательно фырчал. – Он у нас *шоферистый*, – улыбнулась Верушка-сорожка» [Т. 2. С. 126].

Мотивирующей для индивидуально-авторского наименования может оказаться основа диалектной лексемы. Так, прилагательное *козюлистый* образовано от существительного *козюля* – «Обл. Гадюка» [8. Т. 2. С. 69]. С опорой на контекст полагаем, что диалектный глагол *дерябать* – «рвать, разрывать» [10. Вып. 8. С. 30] является производящим для наименования *дерябистый*: «И не было у тогдашнего Касьянки терпения, чтобы, улучив минутку, не подкрасться и не выломать исподтишка где-нибудь в незаметном месте теплый окраек, еще в печи порванный жаром и так и запекшийся хрустким *дерябистым* разломом» [Т. 4. С. 100].

В отдельных случаях можно говорить об окказиональном употреблении лексемы, которое «является результатом перемещения слова в необычный контекст или объясняется необычной сочетаемостью, вследствие чего происходит семантический сдвиг, обновление значения, его расширение или сужение, появление переносно-образного смысла и т. д., что приводит к экспрессивной насыщаемости контекста» [13]. Например, прилагательное *разломистый*, включенное в диалектные словари, предстает в них как эпитет к существительному *ветер*: *Разломистый для льду ветер* [9. Т. IV. С. 327]; «*Разломистый ветер*. Ветер, ломающий лед» [10. Вып. 33. С. 359], а в рассказах Носова указанное наименование используется для характеристики грома. «Грохнул оглушительный, *разломистый раскат грома*» [Т. 3. С. 118]; «В синих рушниках дождей, [туча] разгульно и благодатно рокотала и похохатывала громами и вдруг оглушительно, весело шарахала в несколько *разломистых колен*, и стеклянным перезвоном отзывалась Десна под теплыми струями ливня» [Там же. С. 35].

Нетипичную сочетаемость проявляет и прилагательное *кривулистый*, которое Носов использует для характеристики нижних конечностей человека (*ноги, ножки, ходули*): «Касьян отыскал по реву, цапнул пятерней за рубашонку, подкинул враз оторопело примолкшего парнишку, по-лягушачьи растопырившего *кривулистые ножки*, и, поймав на лету, сунулся колючим подбородком в мягкий живот» [Т. 4. С. 12]. Ср. толкование в словаре Даля («Из кривулин состоящий» [9. Т. II. С. 194]) и «Словаре

русских народных говоров» («Извилистый, с изгибами и поворотами (о дороге, реке, озере и т.п.)» [10. Вып. 15. С. 249].

В словаре Даля встречается сочетание *угонистое письмо* – «убористое» [9. Т. IV. С. 469]. В Большом академическом словаре отмечено два значения просторечной лексемы *угонистый* – «1. Отличающийся быстротой бега, скачки. 2. Приспособленный, пригодный для быстрой езды» [11. Т. 16. С. 253], что позволяет ограничить круг определяемых существительных словами *конь* и *дорога*. Однако Носов расширяет семантику прилагательного, значение которого можно сформулировать как «характеризующийся быстротой роста»: «Да еще оставалась после дойки в лугах, уводила с собой Ладу подальше, куда-нибудь в укромное, незатоптанное местечко между болотцами, где по влажным берегам росла *угонистая разновсячина*» [Т. 3. С. 152].

Обратим внимание на то, что Носов использует целый ряд прилагательных с префиксом *у-*, среди которых есть и литературные наименования (*увалистый, увесистый*), и нелитературные (*ухватистый* – «Прост. Способный ловко ухватить, схватить что-либо; хваткий» [11. Т. 16. С. 1103]), и специальные (*уловистый* – «*Спец.* Дающий хороший улов, способствующий хорошему улову» [Там же. С. 549]), и индивидуально-авторские (*ужалистый, укормистый, укосистый, упаристый, ухмылистый*): «Ровные, открытые луга, а стало быть, и самые тонкотравные и *укормистые*, запахивали под кукурузу» [Т. 3. С. 151]; «Потом, в коридоре, Ван Ваныч назвал Фагота в свой кабинет и, обняв его за плечи, обдавая *упаристым* теплом подмышки, заговорил...» [Т. 4. С. 170].

Прилагательные с суффиксом *-ист-* «обслуживают» разные тематические пласты лексики. Наиболее обширна группа «Человек», которая включает наименования лиц и названия частей тела человека. С помощью прилагательных указанной модели писатель рисует характерные черты портрета своих героев: *морщинистое лицо; бугристый лоб; кожистые веки; льдистые глаза; костистые скулы; лопатистые зубы; напылистый подбородок* и др. «Были видны только мокрые косматые брови и *льдистые*, будто вымерзшие, *глаза* с покрасневшими веками» [Там же. С. 192].

Так же выразительно описание конечностей и волосяного покрова персонажей художественных произведений: (*суставистые руки; глыбистые кулаки; ворсистые пальцы; уцепистые ноги; куделистый чуб; соломистая коса; цыганистые кудри* и др.): «...но Анисья, уже ничего не воспринимая, в первый же день пережив праздничное возбуждение, роняла красные *суставистые руки*, какие бывают только у доярок и прачек, себе в подол между коленок и забывалась в недвижимом покое, а то и просто задремывала» [Т. 3. С. 152]; «И только вблизи я разглядел, что из-под буденовки торчали девчачьи *соломистые косицы*, оплетенные голубыми лентами» [Т. 2. С. 88].

Прилагательные с суффиксом *-ист-* необходимы Носову как для общего описания внешнего вида человека (*жилистый Матюха; кражистый мужик; плечистый старик*), так и для характеристики его внутренних качеств и особенностей поведения (*прижимистый человек; смекалистая женщина*), причем чаще встречаются слова с отрицательной коннотацией (*такой еристый; экий ты козюлистый; они явились уже ухмылистые*).

Укажем и другие тематические группы. Животный мир: *норовистый бык; подпашистая лошадь; подхватистый жеребец; пружинистые карпятя; ужалистый шершень; зазубристые лапки [жука]; когтистые лапы [ястреба]* и др. Растительный мир: *дуплистая черемуха; занозистые колючки; лопушистый фикус; разлапистая хризантема; раскидистый карагач* и др. Небесная сфера. Осадки: *напористые лучи; перистое небо; цветистая полоса радуги; торосистый снег; шквалистый ливень* и др. Земля. Участки земной поверхности: *каменистый мыс; лесистый лог; обрывистый крутояр; пористый песчаник; торфянистый лог* и др. Вода. Водные пространства: *илистый затончик; коряжистые омуты; пенистая вода; петлистая лента реки* и др. Пути. Дороги: *извилистое шоссе; каменная дорога; колдобистая мостовая* и др. Пища: *водянистый кондёршико; зажаристый пирог; запашистая колбаса; наваристый суп; поджаристая корочка* и др. Одежда: *балахонистый ватник; землистый кожан; форсистые башмаки* и др. Разные предметы: *заковыристые запонки; объемистый рюкзак; ребристые коробки; трухлявистое полотно сетей* и др.

Прилагательные с суффиксом *-ист-* сочетаются и с абстрактными наименованиями: *мглистая синь; мглистое таинство; смолистая надежность*. Часто слова данной модели используются Носовым для описания звуковой гаммы произведения и характеристики разнообразных звуков окружающего мира: *бархатистый звук; забористый свист; задиристая нота; отрывистые хлопки; прерывистые выстрелы; раскатиный треск; залиvistый тявк и брех*: «С ее [луны] появлением в угомонившихся было дворах собаки, будто и впрямь на лакомый кусок, подняли *залиvistый тявк и брех*, тоскливо отдававшийся в безголовой и беспредельной ночи» [Т. 4. С. 73]; «Старик *раскатиной*, едкой *басистой стежкой* расхохотался» [Т. 3. С. 379].

Обратим внимание на то, что одно и то же прилагательное (в прямом и переносном значении) проявляет в художественном тексте способность вступать в синтаксические связи с наименованиями разных групп, например: *глинистый берег – глинистый хлеб; жилистые руки – жилистый бурьян; льдистая твердь – льдистые глаза; морицинистые щеки – морицинистое обножье ракут; мишистый пенек – мишистая рамка бороды; норовистый конь – норовистые рыжики; цыганистые кудри – цыганистая трель яблика; глыбистая пахота – глыбистые ку-*

лаки: «Обелиск, высшая точка холма, серый четырехгранник, похожий на незабитую строительную сваю, оказался несколько в стороне от дороги и среди черной *глыбистой пахоты* без каких-либо следов к нему» [Там же. С. 234]; «Опираясь о столешницу *глыбистыми кулаками*, он грузно поднялся, переставил ноги через скамейку и молча направился к выходу» [Там же. С. 392].

От прилагательных данной модели свободно образуются качественные наречия, которые в произведениях Е. Носова тоже представлены широко и разнообразно (более сорока наименований): *бугристо, волнисто, запашисто, золотисто, илисто, осанисто, прицелисто, развалисто, ухмылисто, фасонисто* и др. Как и прилагательные, наречия в художественном тексте выступают не только в прямом, но и в переносном значении, например: *глыбисто измятая рубаха* [Т. 4. С. 316]; *жесткие кустики бровей обрывисто нависли над переносьем* [Т. 3. С. 57]; *льдисто звеня, сыпались и разлетались оконные стекла* [Т. 4. С. 178].

Нередко писатель использует прилагательные, наречия и слова категории состояния в простой сравнительной степени, которую образуют даже окказиональные наименования: «Он и так ведет стадо осмотрительно, расчетливо, больше низами – по торфяникам да по лознякам: всё *укормистее*, чем по суходолу» [Т. 2. С. 59]; «Куряне построили себе сельскохозяйственную выставку – белгородцы – себе, но вдвое больше и *павильонистее*» [Т. 4. С. 403].

Компаратив в большинстве случаев употребляется с приставкой *по-*, смягчающей степень проявления признака и вносящей разговорный оттенок: *поевропеистее, поприлепистее, поувалистей, поуглубистей, поукормистее, поумористей*: «Уже на памяти стариков Полевые Усвяты дважды выгорали почти до последней избы – то ли оттого, что люди там строились покучнее, *поприлепистее*, то ли потому, что на том посаде, на самом материке, было мало колодцев» [Там же. С. 46–47].

Хотя Носов разнообразен в отборе нужных эпитетов, многие из которых единичны, отмечены и высокочастотные наименования (*волнистый, глинистый, золотистый, лесистый, обрывистый, пушистый, серебристый, шелковистый*), в список которых попали не только литературные лексемы, но и просторечные слова (*прогонистый, упористый*).

Носов любил открытые пространства. На даче «в этой огороженной вольере среди таких же изгородей и домушек справа и слева, спереди и сзади» душе писателя было скучно. «По мне лучшая дача, – говорил он, – это вольная воля, от горизонта до горизонта, где нет ни изгородей, ни калиток» [12. С. 136]. И не случайно в группе частотных наименований с суффиксом *-ист-* оказались прилагательное *размашистый* и наречие *размашисто*, которые используются писателем в

разных словарных значениях [10. Т. 3. С. 614; 11. Т. 12. С. 381–382]. Сопровождавшийся широким взмахом; производимый широкими, свободными движениями рук или других частей тела: «Коротким нырком Варька смыла с глаз прилипшие волосы, шумно отфыркалась, потеряла по лицу ладонями и поплыла ребячьими *размашистыми саженками*» [Т. 2. С. 74].

Хотя обычно широта и свобода движения характерна для верхних или нижних конечностей человека и животного (*размашистое движение обеих рук; размашисто косил; размашисто натирал спину; размашисто шлепнул по ладони; размашистый галон; размашисто вышлепывая лоптешками*), Носов не ограничивается традиционными конструкциями и расширяет синтагматические возможности прилагательного и наречия: «Кобыла, услышав привычный оклик, подняла голову, свернула глаз к заплечью и недолго, непомняще посмотрела на хозяина, деловито, *размашисто жуя*, гоняя рубчатые желваки по широким салазкам» [Т. 4. С. 127]; «Поезд *шел размашисто*, слегка раскачиваясь» [Т. 2. С. 53].

Широкий, свободный (о почерке, манере письма в живописи и т.п.): «...Принялся *размашисто чиркать* и попискивать пером толстой черной ручки и шелестеть отбрасываемыми бумажками» [Там же. С. 236].

Раскидистый, с большим размахом: «На взрыхленных грядах лопухам было раздольно, и они *вымахали* чашобно и *размашисто* – выше человеческого роста» [Там же. С. 263].

Обширный, широко, свободно раскинувшийся; простирающийся на большое расстояние: «По обе стороны большака разворачиваются неоглядные дали – не просто убегающая к горизонту докучливая ровнота, а *размашистая череда холмов*: вверх-вниз, вверх-вниз, будто глубокие взволнованные вздохи, словно бы дышала земля и не могла насытаться под благодатным, мирным июньским небом» [Т. 1. С. 299].

Проявляющий широту и смелость в своих действиях и поступках: «Над ними будто витал дух их необозримого края, дух тысячеверстных дорог и бездорожья, дух масштабов и щедрости земли, на которой они так широко, *размашисто работали и жили*» [Там же. С. 276].

Характерным для Е. Носова является использование метонимических конструкций *размашистое вжиканье, размашистая звень*: «Она начала косить, все время сбиваясь, путаясь в траве, мучительно и обостренно прислушиваясь к *размашистому вжиканью* в дальнем углу деляны» [Т. 3. С. 48].

Итак, большое число лексем с суффиксом *-ист-*, литературных и нелитературных, узуальных и окказиональных, выполняющих в художественном тексте разные функции, является яркой авторской приметой. С помощью таких слов Е.И. Носов метко характеризует и человека, и животное, и предметы, и природные явления.

Литература

1. *Ефремов А.Ф.* Очерки по изучению языка и стиля писателей. Саратов, 1966. С. 8.
2. *Шеваров Д.* Врачующая сила // Мастер с нами: Храм Евгения Носова. Курск, 2007. С. 47.
3. *Солженицын А.И.* Евгений Носов (Из «Литературной коллекции») // *Носов Е.И.* Собр. соч. В 5 т. М., 2005. Т. 5. С. 11.
4. *Астафьев В.* О моем друге // Книга о Мастере. Курск, 1998. С. 115.
5. *Носов Е.И.* Собр. соч. В 5 т. М., 2005. Далее указ. только том и стр.
6. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005. С. 211–212.
7. Русская грамматика. В 2 т. М., 1982. Т. I.
8. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000.
10. Словарь русских народных говоров. М.–Л.; СПб., 1965–2010. Вып. 1–43.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., 1950–1965.
12. Книга о Мастере. Курск, 1998.
13. *Гольцова Н.Г.* Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // Русский язык в школе. 1993. № 3. С. 83.

Курский государственный университет